

ЗАГОВОРЫ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Москвина В.А.¹

¹ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск, наб. им. Тухачевского, 14), e-mail: omgpu@omsk.edu

В статье рассматривается проблема контекстных связей в фольклоре, в частности, проблема мировоззренческого контекста. Анализируются особенности бытования и поэтики западносибирских заговоров, их атрибутивного и акционального кодов, сформировавшиеся в результате трансформации традиционных народных верований под влиянием меняющихся условий жизни, процесса ремифологизации, а также усиления роли православной церкви в современном обществе. В статье анализируются экспедиционные материалы 1990-2000-х гг., собранные в Омском Прииртышье автором работы и студентами во время учебных практик. Жанровый состав записанных текстов (заговоры, легенды, былички, устные рассказы об излечении, о трансмиссии магических и религиозных традиций, об отношении к вере) достаточно полно отражает народные представления о православии и месте в нем заговорной традиции. Особое внимание уделено функционированию христианских элементов в заговорном тексте и личности носителя традиции.

Ключевые слова: заговор, молитва, народное православие, религиозный контекст, магические практики.

SPELLS OF THE OMSK NEAR-IRTYSH REGION IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL ORTHODOXY

Moskvina V.A.¹

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia (644099, Omsk, street Tukhachevsky, 14), e-mail: omgpu@omsk.edu

The article discusses the problem of the contextual connections in folklore, including the problem of the world outlook context. The specific characteristics of existence and poetics of the West Siberian spells, their attributive and action codes, formed as the result of transformation of the traditional people's convictions according to changing life conditions, remythologization process, and consolidation of the Orthodox Church's role in modern society, are analyzed. The expedition materials of the years 1990-2000, collected by the author of the paper and students during their practical training in the Omsk Near-Irtysh Region, are analyzed in the article. The genre structure of the recorded texts (spells; legends; epic short stories; verbal tales about recovering, transmission of magical and religious traditions, and attitude towards faith) sufficiently represents the people's notions of Orthodoxy and the role of spell tradition in it. The special attention is drawn to the functioning of Christian elements in the spell text and personality of the bearer of tradition.

Keywords: spell, prayer, national Orthodoxy, religious context, magical practices

Вопросы соотношения магии и религии, несмотря на длительную историю их рассмотрения, до сих пор не имеют однозначных ответов. В частности, невозможна четкая дифференциация заговора и молитвы в силу укорененности этих жанров в народной религиозной культуре. Зависимость жанровой природы заговоров от религиозного мифа, от народных верований не раз отмечалась исследователями: А.Н. Афанасьев назвал заговоры обломками языческих молитв и заклинаний [1, с. 43], О. Миллер считал заговоры зародышем молитв [5, с. 9]. А.Н. Веселовский утверждал, что средневековые заговоры не повторяют древние языческие заклятия, но самостоятельно воспроизводят мифический процесс на христианской почве [2, с. 291]. Следовательно, в решении задачи изучения контекстных связей заговоров особый интерес представляет рассмотрение религиозного контекста.

В.Е. Добровольская выделяет данный тип контекста наряду с другими и отмечает, что им «определяется возможность совершения тех или иных ритуально-магических действий», а также «противопоставление текстов по конфессиональной принадлежности [3, с. 48]». Если контекст понимать как «конкретную материализацию постоянных (общих) функциональных связей текста/жанра» [8, с. 122], то в религиозном контексте, на наш взгляд, позиционируется жанровая доминанта заговоров, а также особенности их субъекта и объекта. Т.В. Цивьян отмечает, что «в основе заговорной практики и соответственно заговорных текстов лежит известная и непреложная формула *заговор, слово от меня, исцеление от Бога*» [10, с. 128]. Значит, можно утверждать, что в религиозном контексте определяется статус сверхъестественных сил, знахаря, заказчика заговора и отношений между ними.

Народные верования как компонент контекстных связей заговоров включают ритуальный текст и его исполнителя в систему ценностей коллектива. Определяя славянские верования, Н.И. Толстой высказал мнение, что они складывались на основе трех источников: язычества, христианства и городской культуры, с которой в славянскую среду проникли «элементы поздней античности – эллинизма, мотивы ближневосточных апокрифов, восточного мистицизма и западной средневековой книжности <...>» [9, с. 17]. Поэтому, а также потому, что славянские верования были единой системой, их нельзя, с точки зрения Н.И. Толстого, считать двоеверием. Современное народное христианское мировоззрение – народное православие – сохраняет названную структуру (в нем также обнаруживаются и языческие, и христианские верования, и черты городской культуры), является открытой неоднородной системой, в которой старое постоянно дополняется и уживается с новациями.

Фольклорные записи последних двух десятилетий, сделанные в Омском Прииртышье, демонстрируют особенности бытования и поэтики западносибирских заговоров, сформировавшиеся в результате трансформации традиционных народных верований под влиянием меняющихся условий жизни, процесса ремифологизации, а также усиления роли православной церкви в современном обществе.

Отголоски архаических языческих верований как таковые не осознаются современными носителями заговорной традиции. В большинстве случаев исполнителями заговоров воспринимаются как слова, данные от Бога, безусловно, христианского, даже если в тексте заговора обращаются за помощью к воде, земле, солнцу, дереву, домовому, булатщук и др. образам языческого мировосприятия. Все опрошенные нами знахари верят в нечистую силу. На сегодняшний день в Западной Сибири наиболее популярным персонажем народной демонологии является домовый. Считается, что он не только охраняет дом, но и помогает содержать скотину, предупреждает об опасности или несчастье, оберегает в пути.

Другие персонажи не индивидуализированы и чаще носят обобщенное название – нечистая сила, черти, «свои». Демонологические воззрения современного человека органично сливаются с православием. Мне не встретился ни один носитель заговорно-заклинательной традиции, который бы позиционировал себя как язычник (я здесь не принимаю во внимание неоязычество) или колдун, намеренно вредящий окружающим.

Для большинства наших респондентов знахарство и православие не противоречат друг другу. Многие из знахарей крещенные и считают себя верующими, отмечают православные праздники, ходят в церковь, почти у всех в доме имеются иконы. Хотя есть и такие, которые, как говорится, не верят ни в Бога, ни в черта, но при этом доверяют заговорному слову как вполне реальной силе и сами занимаются знахарством.

В своей практике современные знахари в основном пользуются христианскими атрибутами (крест, икона, святая вода), тексты их заговоров включают христианские образы и мотивы. Кстати, именно христианская атрибутика нередко указывает на то, что исполнитель, с которым ведется беседа, владеет еще и знахарским искусством. Например, в экспедиции 2003 г. в Большереченский район Омской области мы познакомились с В.С. Ступниковой, 1936 г.р., которую заведующий местным клубом порекомендовал как талантливую песенницу. В её доме мы увидели множество иконок, любовно украшенных ленточками, кружевами, цветами, что в сочетании с разложенными на столе травами натолкнуло нас на мысль о её знахарских способностях. И мы не ошиблись. От Веры Семёновны мы записали 56 заговорных текстов, среди которых есть от пьянства, ангины, суставных болей, грыжи, от порчи и сглаза, обереги и др. (Фольклорный архив ОмГПУ: ЭК-1/2003, № 6–41, 43–49, 51, 57–60. Далее в тексте статьи в круглых скобках указываем шифр единицы хранения и номер текста).

Но для некоторых знахарей, видимо, в силу атеистического воспитания вера не является ценностно значимой частью жизни, что накладывает на их мировоззрение определенный отпечаток. Атеизм чаще выражается не в отрицании Бога как высшей силы, а в неприятии церкви. При этом святая вода, крест, свеча, икона остаются у них главными атрибутами при лечении больных. Однако процесс ремифологизации, характеризующий наше время, вносит некоторые коррективы в подготовку атрибутов. Так, одна из знахарок, проживающая в Седельниковском районе Омской области А.А. Щукина, 1955 г.р., считает, что святая вода будет более действенной, если ее в крещенскую ночь вынести под звезды. Такую воду она называет «святиной» (Личный архив автора статьи).

Тем не менее, христианская вера в современной заговорной традиции – важнейший фактор, характеризующий личность знахаря, регулирующий его отношения с пациентом, подкрепляющий силу заговора и продуцирующий успешный результат заговорного лечения.

В этом смысле интересен рассказ Н.И. Нагаевой, 1948 г.р., из д. Нагорное Тарского района, в котором значимость своих знахарских способностей она подтверждает тем, что встреча с «учителем»-знахарем произошла именно в церкви:

Я ходила в церкву в Тульской области. И там я познакомилась с бабушкой. Она была меня старше. И этой бабушке нужно было все передать кому-нибудь. У ней не было родственников. Она видит, что я – добрая душа. Она меня позвала в церкви. Когда прошла молебен, она мне сказала:

– Женщина, пойдём со мной <...>. Ты, – говорит, – у тебя добрая душа. Я, – говорит, – тебе хочу помочь: от грыжи, – говорит, – чтобы ты заговаривала (ЭК-5/2004, № 51).

Вера помогает не только ей лечить, но и пациенту с большей пользой воспринимать это лечение:

Как пойдет дух, у каждого человека есть свой дух <...>. Хоть от грыжи или хоть от испуга, хоть от чего каждый есть дух у своего человека.

<...> Для того, чтобы вылечить грыжу, надо верить в Бога, не то, что вот, должна мать верить в Бога, если мать не верует в Бога, не надо меня обманывать, я по тебе сразу вижу, что ты веруешь в Бога или не веруешь. Ты не меня обманываешь, ты обманываешь только Бога (ЭК-5/2004, № 52).

Следовательно, и плата за лечение, по мнению знахарки должна отдаваться не ей, а Богу: *«Вы только должны, – говорю, – по 5 копеек дать Богу. Не меньше 20 копеек. Они мне не нужны»* (там же).

Однако христианская церковь однозначно осуждает людей, обращающихся к заговорам. В последнее время в связи с активизацией религиозной пропаганды, созданием в большинстве крупных населённых пунктов области приходов в обществе целенаправленно формируется отрицательное отношение к заговорной традиции.

Интересен единственный в нашей практике факт, когда знахарка отказалась от своей деятельности под влиянием церкви. О М.И. Щукиной, 1924 г.р., как об очень хорошей лекарке в одном из сёл Седельниковского района говорили многие, но когда нам удалось с ней познакомиться, у нее уже сложилось убеждение, что использование заговоров – грех. Обращение к религии было связано с тяжелой болезнью, которую перенесла Мария Ипполитовна. Так, в год нашего знакомства (1999) я не записала от нее ни одного заговора. Лечение заговорами оказалось в противоречии с новыми религиозными убеждениями. Однако отказ от заговорно-заклинательной практики не стал окончательным.

С 1999 по 2008 гг. участники фольклорных экспедиций ОмГПУ трижды встречались с М.И. Щукиной, за это время от нее были записаны легенды, духовные стихи, заговоры, апотропеические тексты, песни. Каждый раз эти записи начинались с легенд и духовных

стихов (*псалмов*). Заговоры же удалось зафиксировать лишь однажды в 2006 г., и то потому, что Мария Ипполитовна уже знала меня. Однако исполнительница не разрешила записывать их на тот же диктофон, на который напела *псалмы*. В текстах ее заговоров обязательны христианские персонажи и символы, либо молитвенные формулы. Например, заговор от рожи начинается с молитвы «Отче наш», а заканчивается: *«Бог с помощью, а я с духом, Животворящим твоим крестом»* (ЭК-1/2006, № 55). Первая часть этой финальной формулы встречается и у других носителей заговоров в Седельниковском районе.

Запись заговоров исполнительница постоянно сопровождала своими комментариями, делая акцент на связи известных ей заговоров с христианскими персонажами. После произнесения заговора от укуса змеи, заканчивающегося *«А если не уймете, то попрошу Егория Победоносного, он вас огнем припалит, копьем притычет»* (ЭК-1/2006, № 58), Мария Ипполитовна спросила: *«А Егор Победоносный, знаешь, вот есть икона и он с копьем?»* – указала она на приколотую к стене бумажную икону.

В рассказах знахарки один из важных – мотив излечения с помощью веры. Например, она считает, что чтение ее пациенткой христианских молитв во время заговаривания рожи ускорило выздоровление: *«И я прочитала “Отче наш”, а потом от рожи стала читать. А она и Богу молится, лежит и Богу молится. А у ей и молитвенник под голова, и Богу молится, и уснула. Я еще только второй раз начала читать, а она уже уснула. На третий раз наговорила, а она уже спала»* (ЭК-1/2006, № 51).

Ежедневные утренние и вечерние молитвенные обряды Марии Ипполитовны состоят из ряда произведений, которые она произносит в определенном порядке. Сюда входят и канонические молитвы, и заговоры-обереги (например, *«Спать я лягаю, / Христом укрываюсь...»*), и духовные стихи (например, *«Ангел Божий, святой мой хранитель, / Дан мне от Бога с неба в охранение...»*).

Как видно из вышесказанного, привычный уклад носителя заговорно-заклинательной традиции, где одно из важных мест занимал заговор, изменился под влиянием возрождающихся православных устоев. Привычное для исполнителя взаимодействие с миром посредством заговоров, возможность влиять на него пришло в противоречие с православной верой. То, что обеспечивало знахарке статус и уважение на селе, то, что она считала своим предназначением и оценивала положительно как доброе дело, вдруг оказалось грешным.

Однако в силу устойчивости фольклорного сознания М.И. Щукина восприняла религиозные ограничения по-своему и сумела их примирить с традиционными убеждениями. Веру она стала воспринимать вполне утилитарно. Возвращение к заговорной практике,

думается, способствовало примирению двух сторон личности исполнителя: знахаря и православного прихожанина.

Другая респондентка из Седельниковского района – О.М. Василевская, 1928 г.р., под влиянием духовника полностью изменила свое отношение к заговорам. Ее воцерковленность сформировала в ней убеждение во вредности заговоров, знахарскому лечению она противопоставила молитву, произносимую перед иконой:

Лежу дома. <...> И тада, ну, у меня как раз уголь был херувимский маленько и вода святая. А я подойду к этой, йна одна иконка в другой хате Божьей Матери была. Эта иконка в дальней хате. Подейшла, да стала плакать: «Господи, милостливый, <...> да я помираю, да милостивый», – так я плакала. И я просила: «Дай мне померти, чтоб это...» Углём и водичкой меня это всё спасло. Плакала, плакала. А только взяла выпила, всё. Как пошло у меня вся боль с головы, и глаза стали светлые, светлые. И слышу всё. И стою, как родилась. <...> Всё у меня стало. Во как икона. И Спаситель, старинная иконочка, маленькая. Йна и сейчас есть. И Матерь Божья старинная. Значит, их очень-очень старые иконы, над ими молились, они святые. А щас Бог знает какие, щас новые иконы... (ЭК-2/2007, № 35).

Приведённый текст демонстрирует ещё одну особенность современных религиозных воззрений – особое почитание старинных культовых объектов. Например, мотив отсутствия святости во вновь отстроенных храмах широко распространен в народной культуре, в том числе и Омского Прииртышья. Данные представления характеризуют и заговорную традицию. Нередко доказательством силы знахаря являются имеющиеся у него старинные иконы, книги или рукописные тетрадки с заговорами, доставшиеся ему от предков. Широко распространено мнение, что раньше были сильные знахари (колдуны), а сейчас таких нет.

Использование христианских молитв в качестве заговорных текстов или вместе с заговорами – обычная практика современного знахаря. М.М. Баер, 1931 г.р., жительница д. Уютное Марьяновского района Омской области, сообщила о том, как она советовала дочери лечить внучку:

– Дочечка, ты ей скажи, если пальчик красненький, кожа, и нога начинает краснеть, то, может, рожя. Говорю, пускай божажечки, божажки синенькую из тетрадки да мелом на это натрёт, натрёт, замотает. И красным, только красным замотает, и пускай ходит.

[А сказать что-нибудь надо, когда заматываешь?]

– Да, прочитать «Отче наша» надо (ЭК-2/2009, № 9).

О молитве «Отче наш» как об апотропее писала Е.Е. Левкиевская, объясняя её популярность высоким сакральным статусом. По мнению исследователя, она «является декларацией принадлежности человека к христианскому миру и пребывание его под защитой

небесных сил, делающего его неуязвимым для опасности» [4, с. 23]. «Отче наш» самая распространенная в Западной Сибири молитва, используемая в заговорно-заклинательной практике, например, при лечении испуга и сглаза [7, № 98, 109]. Кроме нее, вместо традиционного заговора как самостоятельный текст читаются псалом «Живый в помощи» и апокриф «Сон Богородицы».

М.И. Щукина поведала о действии «Живый в помощи» (Псалом 90), который может либо облегчить смертные муки, либо излечить человека: «*Вот это даже, вот человек сильно болеет, и прочитать ему этих, и он не умирает и не оживает, дак прочитать надо сорок раз “Живые в помощи”. Дак ему или легче будет, легче будет, или в скорости помрет*» (ЭК-1/2006, № 61). Далее исполнительница привела два примера действия данной молитвы. В качестве оберега этот же псалом был зафиксирован в 1993 г. в с. Кип Тевризского района Омской области [7, № 542].

Апокриф «Сон Богородицы» в Омском Прииртышье наиболее распространен как оберег [7, № 508, 522, 534]. От М.И. Щукиной зафиксированы два текста на сюжет «Сна»: один читается при грозе, другой – от змей (ЭК-1/2006, № 48, 49).

Другие молитвы – «Воскресная» («Да воскреснет Бог...»), «Иисусова» («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго»), «Богородице Дево, радуйся...» – чаще звучат в начале или конце заговорно-заклинательного акта, обрамляя магический текст. В рукописной тетрадке заговоров, скопированной во время экспедиции ОмГПУ 2009 г. в д. Ивановка Москаленского района Омской области [6], христианские молитвы представлены в двух видах. Под общим заголовком в правом верхнем углу страницы «*Перед заговором*» (л. 12) помещен текст: «*Живый в помощи*». Другие молитвы чередуются с традиционными заговорами и названы по функционально-тематическому принципу: «*Молитва Иисусу Христу на избавление от порчи*» (л. 13), «*От алкоголизма*» (л. 14) и др.

Таким образом, христианство – это не только контекст бытования заговорного искусства, но и важная составляющая его вербального (молитвы), акционального (крестное знамение) и атрибутивного (культовые предметы) кодов. Именно в религиозном контексте происходит адаптация жанра заговоров к изменяющимся условиям жизни и примирение традиционных и новационных компонентов в заговорно-заклинательной практике.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. – М.: Индрик, 1994. (Репринт издания 1865 г. с исправлениями).

2. Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1868. – Ч. СХL.
3. Добровольская В.Е. Роль контекста в бытовании и реконструкции фольклорного текста // Традиционная культура: Научный альманах. – 2004. – № 3. – С. 46–55.
4. Левкиевская Е.Е. Народные молитвы и апокрифические тексты как обереги // Живая старина. – 2002. – № 4. – С. 23–25.
5. Миллер Ор. Опыт исторического обозрения русской словесности. Т. I. – СПб., 1865.
6. Москвина В.А. Заговоры в самозаписи исполнителей // Народная культура Сибири. – Омск: Изд-во «Амфора», 2009. – С. 64–72.
7. Москвина В.А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. – 470 с.
8. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In memoiam. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 464 с.
9. Толстой Н.И. Славянские верования // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 15–26.
10. Цивьян Т.В. «Молитва Гавриила» из новгородского кодекса 1-й половины XI века: несколько замечаний // Заговорный текст. Генезис и структура. – М.: Индрик, 2005. – С. 123–135.

Рецензенты:

Косяков Г.В., д.фил.н., профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск;

Федяева Н.Д., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русского языка и лингводидактики ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.